

РОДНЫЕ НАПЕВЫ

22 МАЯ 2005 ГОДА в Минске умер Александр Лозневой. Он был первостроителем Магнитки, прошел две войны, почетный гражданин Магнитогорска. Мы предлагаем подборку его стихов из рукописи, оставшейся неопубликованной. Рабочее название «Родные напевы».

Александр
ЛОЗНЕВОЙ

БРАМС

Как светлая добрая сказка,
как шепот весенних берез,
пленил меня музыка Брамса
и вновь не могу я без слез.

Музыка буйства и страсти,
и радость моя, и печаль.
Как свет долгожданного счастья,
как таинство девичьих чар.

Я музыке этой ревниво
на ихуне старинной внимал.
Кружилась пластинка игриво,
и я ей слегка подпевал.

Мелодия пятого танца
звучала как будто во сне.
И девушки в белом убранстве
кружились в полуденной мгле.

Влюбленные в музыку Брамса
взлетали душой до небес,
рассеяв, как зерна, нюансы,
рыдал и смеялся оркестр.

Великая, вечная музыка,
гармонии нежная вязь.
Какими волшебными узами
с моею душою слилась?

РЕКВИЕМ

Уходят ветераны под оркестр,
как на войну когда-то уходили.
Уходят в тишину, где тьма окрест,
где клены под спокойствием небес
невольны головы склонили.

Уходят ратники в небытие,
невольны в бездну якоря бросая.
Как все, что было гостем
на земле,
как звезды где-то высоко во мгле,
однажды вспыхнув, угасают...

Взывает к Богу духовой оркестр,
незримой скорбью в наши души
льется.

Все люди смертны —
вечных нет телес,
лишь слава подвигов, как зов небес,
нетленной в жизни остается.

Когда придут иные времена
и воссияет мир на всей планете,
Навряд ли вспомнят наши имена...
Но и тогда за наш окопный труд
нас просто мучениками назовут
двадцатого кровавого столетия!

КЛЕН

В саду оркестр, кружатся пары,
аллеи в зелени, в цвету.
А я иду по стезе старой,
тропинкой юности бреду.

Как много жизни отлетело,
сгорело в буднях бытия.
Колючим ветром просвистела
любовь нескладная моя.

И ни к чему воспоминанья
о том, что было, что ушло.
Тоской далекого свиданья
мне душу вновь заволокло.

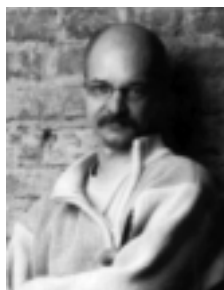
Иду, седой, неутомимый,
и вижу — на скамье в саду —
два сердца обнялись под кленом
у всей Магнитки на виду.

В степи, ветрами иссушенной,
в твоей пыли, Магнитострой,
тот клен садил я для влюбленных
далекой раннею весной.

Он делает свою прозу
в виде фантастических новелл и повестей

СЛАВЯНСКАЯ РУЛЕТКА ВЛАДИМИРА НАУМОВА

НАУМОВ Владимир Викторович — прозаик, фантаст. лауреат конкурса имени К. Нефедьева (2002).

Родился 8 июня 1961 года в городе Белове Кемеровской области. В 21 год переехал в Кузбасс и стал проходчиком на шахте «Тайбинская». С переездом в 1987 в Магнитогорск на ММК освоил профессию огнеупорщика. После производственной травмы работает в театре драмы имени А. С. Пушкина, в настоящий момент — начальником осветительного цеха этого театра.

Публиковать в периодической печати фелетоны и рассказы начал с 1983 на Кузбассе еще в бытность шахтером. В Магнитке в различных газетах несколько лет вел страницы городского клуба любителей фантастики «Странник» (статьи, интервью, рассказы). В двух выпусках журнала «Берег А» вышли подборка его рассказов и повесть «По образу и подобию». В Москве издательство «АСТ» в серии «Звездный лабиринт» издало его повесть «Души потемки» (2005).

Новинка антологии «Литература Магнитки. Избранное», выходящей под патронажем «Магнитогорского металла», — сборник рассказов В. Наумова «Славянская рулетка», один из которых представлен на этой полосе.

НИКОЛАЙ ЯКШИН.

Любой ценой

— Здравствуйте, Елена Михайловна.

— Здравствуйте. Что привезли? Вопрос традиционный и настолько же банальный.

Невысокий хмурый мужчина вот уже третий год сдавал одно и то же — телятину. Прошли те времена, когда Елена вздрагивала от одного вида Кларимона. Ныне она пообвыкла и старалась держаться с ним как с обычным поставщиком.

— Сколько привезли?
— Две тушки — девяносто и сто шестьдесят килограммов. Возьмете все?

— Возьму. Только деньги к вечеру. Часов в пять устроит?

— Конечно.

Отодвинув продавца, Елена открыла кассу.

— Может быть, часть сейчас заберете?

— Лучше вечером.

— Ну, как вам будет удобней.

На том и расстались. По желобу спустились освеженные туши. Елена отложила один язык в сторону, подождала, пока рубщик перетащит туши к колоде.

— Семенчик! Ту, что поменьше, поруби, остальное — в холодильник.

— Знаю дело, Михална, — он подхватил тушу и пристроил ее на колоде.

— Справку я привезу через час. Так что не торопись.

— Как скажешь.

Семенчик разменял шестой десяток, но крепости рук не утратил. И сметку не подрастерял, давно заметил: как чернореченские приезжают, Елена находит повод улизнуть из магазина. А ему что? Заработок стабильный, а сегодня еще и поллитру помимо всего получит. Чем не жизнь?

— Семенчик, телятину в отдел пока не выноси.

— Не беспокойся, хозяйюшка, все сделаю в лучшем виде.

— Не мне тебя учить.

Елена накинула кожаный плащ, подрушила на голову шляпу и, окинув напоследок цепким взглядом отдел, вышла на крыльцо. Март капризничал, как девица в пору созревания. И теплу отжаться хочется, и морозец не отпускает.

Будь Елена сейчас не в столь людном месте, упала бы и разрыдалась. Ан нет, нельзя!

Краса и гордость Елены «ГАЗ 3110» цвета «мурена» покорно ожидал хозяйку в двух шагах от магазина. «Палычу позвонить, к Зинаиде заехать. Скоро декларацию сдавать, значит, килограмм восемь в налоговую оставить нужно. Потом Алексею Николаевичу на СТО...», — размышляла она.

Жалобно пискнула сигнализация. Елена достала из бардачка блокнот и принялась торопливо набрасывать план действий. На память она не жаловалась, но не приведи господи кого-нибудь забыть из нужных людей.

Минут десять спустя она вытащила сотовый телефон.

— Максим, они опять привезли.

— Отлично! Почему?

Елена досадливо поморщилась, грязно ругнулась в сторону.

— По тринадцать, как обычно.

— Лохи. Да мы такие бабки делаем!..

— Угомонись. Накидай быстренько список, только не втюхивай мне своих шаромыг.

— Ты кого шаромыгами называешь? Начальника РЭПа?

Отодвинув подальше от уха телефон, Елена прошипела: «Как был мент, так ментом и остался», а в трубку добавила:

— Не ори. Я в санэпидстанцию, потом перезвоню.

Рывком бросила машину на проезжую часть. Толком водить она так и не научилась. Не по годам молодое сильное тело требовало тепла и ласки. Елена с досадой выбросила из головы разговор с мужем. Чувствовала, долго так продолжаться не может. Хоть и пить бросил, а радости никакой. Страх, жуткий страх не покидал Елену с того самого дня, когда она впервые заподозрила, каким мясом торгует. И вместе с тем еще больший ужас от того, что поставщик может больше не появиться. Никогда!

Это Максим в свое время оценил открывающиеся возможности, нашел первых клиентов, установил стоимость. И сам же ее устроил на следующий раз, но в ответ не услышал даже слабого ро-

пота. «Телятина» (Елена до сих пор не позволяла даже в мыслях называть ее по-другому) обладала поистине магическими свойствами — килограмма хватало, чтобы излечить обычные заболевания, двух приемов — на тяжелые случаи, больше трех — устранили даже врожденные пороки.

В кругу знакомых Елены и Максима сложился негласный договор молчания. Стоило одному из супругов позвонить и предложить «телятину», как клиент выкладывал требуемую сумму и, пряча смущенный взор, исчезал. Елена и сама затруднилась бы объяснить сложившийся феномен — специально она никого не предупреждала, покупатели сами ощущали греховность поступка, но и отказаться не было сил. Одно плохо — хранить мясо было нельзя. Через двое суток оно теряло свои свойства и годилось разве что на котлеты. Проверила на собственном опыте.

Елена резко свернула на проспект, подрезав старенькую «пяттерку». Газанула и с ревом проскочила на красный свет: «Да пошли они все!»

Не снижая скорости, помчалась мимо Дворца пионеров. До сих пор Елена не знала, каких богов благодарить за то, что Кларимон в свое время предложил первую партию именно ей. Никто больше не торговал такой телятиной, она проверяла. И ребят нанимала, чтобы выследили поставщика. Да все без толку. Он появлялся, сдавал от восьмидесяти до трехсот килограммов и исчезал. Бесследно!

Промелькнул институт, ЦУМ. Елена, как сумасшедшая, продолжала вдавливать педаль акселератора. Первую встречу с Кларимона она вспоминала с трудом, но вот следующую...

Она тогда только вышла из больницы и проходила курс химиотерапии. Врачи не пугали, но

настоятельно интересовались возрастом ее детей. Елена догадалась — до их совершеннолетия она не дотянет. Господь бог вкупе с главврачом отмерили ей иной срок.

И вот появился Кларимон со своей «телятиной», и все изменилось. Наперекор капризной фортуны у Елены зародилась робкая надежда. Врачи лишь недоуменно морщили лбы и пожимали плечами. Ей предложили пройти повторное обследование, но Елена наотрез отказалась. К тому времени Максим, похоже, уже начал оплакивать супругу и в связи с этим пил по-черному. Ее чудодейственное выздоровление он воспринял как некое оскорбление возвышенных чувств. И это, надо сказать, не улучшило семейную атмосферу. В воздухе запахло разводом.

В тот злополучный день «телятину» привез не Кларимон, но столь же хмурый юноша. Пока он заполнял бумаги и пересчитывал деньги, Елена с чисто женским любопытством заглянула в кузов пикапа. Он был пуст. Лишь в углу сиротливо притулилась коробка из-под бананов. Из нее торчала голова. Не ошкуренная. Огромные печальные глаза с удивлением взирали на жестокий мир людей. Но даже не это потрясло Елену...

Отчаянный визг тормозов и скрежет сминаемого металла слились в один звук. Сокрушительный удар швырнул Елену на руль. Предохранительный ремень, небрежно переброшенный через плечо, захлестнул горло. Фонтан осколков брызнул в лицо.

Она умерла не сразу... Пожила еще немного. Секунд двадцать... Он ее все же настиг...

Угасающее сознание зафиксировало белую вздыбленную «тойоту». А сквозь бездну времени и пространства на Елену взирали печальные раскосые глаза последнего единорога Земли.

ВЛАДИМИР НАУМОВ

КОМАЖ МАРИНЫ НИКОЛАЕВОЙ